

ЗАЛОЖНИЦА
ПЕРЕМИРИЯ
СЕСЕЛИЯ СУАРЕЗ

18+

Сесилия Суарез

Заложница перемирия

<https://litres.ru/73916873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он подошел ближе. Его руки легли на мои плечи, сжали — не больно, но властно, притягивая спиной к его груди. Я почувствовала тепло его тела, его дыхание на своей макушке.

— Это еще не все сюрпризы, — прошептал он мне в волосы.
— Экскурсия только начинается.

Его губы коснулись моей шеи — чуть ниже уха, там, где кожа была особенно чувствительной. Я вздрогнула и откинула голову назад, давая ему лучший доступ.

— Мы же... экскурсия... — пробормотала я.

— Это экскурсия с интерактивными элементами.

Его руки скользнули вниз по моим плечам, по бокам, и легли на бедра.

Он — безжалостный лидер ОПГ, я — дочь его врага. Он взял меня в заложницы, чтобы удержать мир, но готов развязать войну против всех, чтобы удержать мое сердце.

Содержание

Глава 1. Клетка	4
Глава 2. Территория хищника	15
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сесилия Суарез

Заложница перемирия

Глава 1. Клетка

Ливень хлестал по крыше внедорожника с таким остервенением, словно сама природа пыталась предупредить меня: разворачивайся, дура.

Я не разворачивалась.

Сидела на заднем сиденье, зажатая между отцом и его начальником службы безопасности — дядей Колей, который с детства учил меня стрелять из «ПМ», а теперь вез сдавать в аренду чужому человеку.

— Ксюшенька, — отец накрыл мою ладонь своей, и я едва не дернулась от неожиданности. Он не прикасался ко мне годами. — Ты же понимаешь, это временно. Год — и ты снова дома. Ради семьи, дочка. Ради всех нас.

Я посмотрела на его руку — холеную, с идеальным маникюром, тяжелым перстнем на мизинце. Семейный герб Ладыгиных. Отец носил его, даже когда подписывал бумаги о том, что я проведу ближайший год в логове человека, которого он называл «безродным выскочкой».

— Конечно, папа, — мой голос прозвучал ровно, почти ласково. За двадцать два года я научилась играть роль по-

слушной дочери так же хорошо, как научилась дышать. — Я все понимаю.

В зеркале заднего вида мелькнул взгляд дяди Коли — быстрый, жалостливый. Он-то знал правду. Знал, что отец не просто «договорился о перемирии», а сбаврил меня, как бракованный товар, получив за это долю в порту и возможность избавиться от дочери, которая никогда не вписывалась в его планы. Дочь, которая лепила горшки в подвале, вместо того чтобы учиться «семейному делу».

Я сжала пальцами внутреннюю сторону запястья — привычный жест, который выдавал мою ложь. Потом одернула рукав толстовки, пряча предательское движение.

— Вот и умница, — отец убрал ладонь и отвернулся к окну, теряя ко мне интерес ровно в тот момент, когда спектакль был сыгран. — Смолин, конечно, мразь, но слово держит. Если сказал, что не тронет, — не тронет.

Дядя Коля тихо хмыкнул. Я сделала вид, что не заметила.

Особняк вынырнул из дождя внезапно — трехэтажная громадина из серого камня и стекла, больше похожая на крепость, чем на жилой дом. Высокий забор с колючей проволокой поверху, камеры на каждом углу, двое охранников у ворот с автоматами наперевес. Они даже не проверяли документы — просто открыли ворота, когда наша машина подъехала. Нас ждали.

— Гостеприимно, — пробормотала я, разглядывая камеру, которая повернулась вслед за автомобилем. — Как в

«Молчании ягнят».

Дядя Коля фыркнул, прикрывая рот кулаком. Отец бросил на меня недовольный взгляд.

— Ксюша, будь серьезнее.

— Я серьезнее некуда, папа. Меня везут в клетку, я шучу про каннибалов. По-моему, это очень по-взрослому.

Отец закатил глаза — жест, который я унаследовала от него генетически, — и больше не проронил ни слова, пока машина не остановилась перед массивной дубовой дверью.

Дождь барабанил по зонту, который дядя Коля держал над моей головой, пока я выбиралась из салона. Отец уже шагнул к двери, не оглядываясь, его пиджак от Армани промок за секунду, но ему было плевать. Он спешил. Спешил сдать дочь и вернуться в свой мир, где я была лишь досадной помехой.

Я задержалась на мгновение, вдыхая холодный воздух, пахнувший мокрой землей и хвоей. Где-то в глубине дома зажглось окно на втором этаже — желтый прямоугольник света в серой пелене дождя. Я подумала: интересно, он сейчас смотрит на меня?

И тут же одернула себя. Какая разница.

Внутри особняк оказался именно таким, каким я его представляла: холодным, дорогим и абсолютно бездушным. Мраморные полы, высокие потолки, минимум мебели, максимум пустого пространства. Ни одной личной вещи. Ни одной фотографии. Как будто здесь никто не жил, а только су-

ществовал.

И посреди этого механического великолепия стоял он. Федор Смолин.

Я видела его фотографии в отцовских досье — размытые кадры с камер наблюдения, официальные снимки с каких-то благотворительных приемов, куда он ходил отмывать репутацию. Но фотографии не передавали и десятой доли того, чем он был в реальности.

Высокий. Господи, какой же он высокий. Я со своими метр шестьдесят пять чувствовала себя лилипутом рядом с Гулливером. Широкие плечи, тяжелая челюсть, темные волосы, зачесанные назад и открывающие высокий лоб. Серые глаза — не теплые, не холодные, а просто... никакие. Как сталь. Как лезвие ножа.

Он стоял, засунув руки в карманы брюк, и смотрел на нас с выражением легкой скуки. Как будто мы были курьерами, доставившими неинтересную посылку.

— Ладыгин, — его голос оказался ниже, чем я ожидала. С хрипотцой, словно он только что проснулся или много курил. Хотя сигаретами от него не пахло. От него вообще ничем не пахло — ни одеколоном, ни сигаретами, ни человеком. — Пунктуален. Приятно удивлен.

Отец натянул улыбку — ту самую, которой он очаровывал партнеров перед тем, как всадить им нож в спину.

— Федор Дмитриевич. Рад, что мы смогли договориться. Это моя дочь, Оксана.

Я почувствовала, как отец легонько подтолкнул меня в спину — иди, девочка, покажи товар лицом.

Я сделала шаг вперед. И еще один. Мокрые кроссовки противно скрипнули по мрамору.

— Ксю, — поправила я, сама не зная зачем. — Оксану только папа использует, когда хочет казаться строгим. А я Ксю. Или Ксюша, если вы вдруг решите, что мы подружимся.

Тишина. Такая густая, что ее можно было резать ножом. Отец за моей спиной, кажется, перестал дышать. Дядя Коля издал звук, подозрительно похожий на сдавленный смешок.

Федор Смолин моргнул. Всего один раз — медленно, как ящерица. Потом его взгляд скользнул по мне: с головы до ног и обратно. Я почувствовала себя под сканером в аэропорту — просвеченной, разобранной на молекулы и признанной... не опасной? не интересной? Я не могла понять.

— Ксю, — повторил он, и мое имя в его рту прозвучало как-то... неправильно. Словно он пробовал его на вкус и еще не решил, нравится ли. — Запомню.

Отец тут же воспользовался паузой, чтобы взять ситуацию под контроль:

— Мы обсудили условия, Федор Дмитриевич. Ксюша будет жить здесь год. Вы обеспечиваете ей безопасность и комфорт, она не покидает территорию без вашего ведома. Взамен — мир между нашими семьями и та доля в порту, о которой мы договаривались.

Он говорил это так, словно меня здесь не было. Словно я была не человеком, а пунктом в контракте. Параграф 4.2: доставка дочери. Параграф 4.3: условия для бизнеса.

Я снова сжала запястье. Сильно, до боли.

— Комфорт, — снова этот низкий голос с хрипотцой. — Уточните, Ладыгин. Что именно ваша дочь считает комфортом?

Отец нахмурился. Он понятия не имел, что я считаю комфортом.

— Я сам спрошу, — Федор перевел взгляд на меня, и я впервые заметила, что его глаза не совсем серые. В глубине, под сталью, пряталась какая-то тень. Что-то темное и очень, очень старое. — Ксю. Что тебе нужно?

Я моргнула.

— Что, простите?

— Что тебе нужно для комфорта? Еда, одежда, книги, что угодно. Говори сейчас, потом будет поздно.

Я открыла рот, собираясь сказать что-нибудь вежливое и дипломатичное — что-то, чему меня учили на семейных ужинах. Но вместо этого ляпнула:

— Гончарный круг. И глину. И глазурь. И... печь для обжига. И кошек. Я люблю кошек. Если вы хотите, чтобы мне было комфортно, придется с этим смириться.

Снова тишина. На этот раз оглушительная.

Отец за моей спиной, кажется, начал синеть. Дядя Коля уже откровенно давился смехом, прикрывая рот ладонью и

делая вид, что кашляет.

Федор Смолин смотрел на меня. Просто смотрел. Долго, не мигая, с тем же непроницаемым выражением лица. А потом уголок его губ дернулся.

Я не была уверена — может, мне показалось, может, игра света. Но готова была поклясться, что он почти улыбнулся.

— Гончарный круг, — произнес медленно, растягивая слова. — Кошки. И глина.

— И глазурь, — добавила я, чувствуя, как внутри поднимается волна какого-то безумного, истерического веселья. — Глазурь — это важно. Без нее горшки не блестят.

— Горшки должны блестеть, — согласился он, и в его голосе появилась странная интонация. Я бы назвала ее... забавой? Неужели этот каменный истукан умеет забавляться?

— Абсолютно, — кивнула я. — И еще — я не ем овсянку. Совсем. Даже под дулом пистолета.

— Запомню.

И снова этот взгляд — сканирующий, проникающий под кожу. Только теперь мне показалось, что я заметила в нем что-то еще. Что-то, похожее на... интерес? Нет, глупости. Такие, как он, не интересуются такими, как я. Им плевать. Я для него — гарантия сделки, живой чек, который нужно хранить в сейфе до востребования.

— Ладыгин, — Федор перевел взгляд на отца, и я физически почувствовала, как температура в комнате упала на несколько градусов. — Условия прежние. Ваша дочь в без-

опасности, пока находится на моей территории. Но если вы или ваши люди попытаетесь использовать ее как рычаг давления, или если с ее стороны будет попытка побега, организованная вами...

Он не закончил. Ему не нужно было. Угроза повисла в воздухе — тяжелая, осязаемая, как запах озона перед грозой.

— Разумеется, — отец снова натянул улыбку. — Ксюшенька умная девочка. Она все понимает.

Отец шагнул ко мне и, прежде чем я успела отстраниться, обнял — крепко, почти по-настоящему. Я замерла в его руках, как деревянная кукла, чувствуя запах его одеколона и фальши, фальши, фальши.

— Будь хорошей девочкой, дочка, — прошептал он мне в волосы. — Ради семьи.

Я ничего не ответила.

Когда он отстранился, я увидела, как Федор смотрит на нас. Его лицо оставалось непроницаемым, но что-то изменилось. В уголке рта появилась едва заметная складка — то ли отвращение, то ли брезгливость. Он смотрел на отца, обнимающего дочь, и морщился. Как человек, который случайно наступил во что-то неприятное и теперь пытается не подать виду.

Я решила, что его тошнит от проявлений чувств. Что он — бездушная машина, неспособная понять семейную привязанность. Что слово «любовь» для него такое же пустое, как этот мраморный холл.

— Проводите господина Ладыгина, — бросил Федор одному из охранников, даже не взглянув на отца. — И возьмите вещи... гости.

Он запнулся на слове «гостя». Как будто хотел сказать что-то другое. Пленница? Заложница? Товар?

Дядя Коля на мгновение задержался рядом со мной. Его рука легла на мое плечо — теплое, живое прикосновение в этом ледяном доме.

— Держись, стрекоза, — шепнул он. — Если что — звони. Я приеду.

Я кивнула, не доверяя голосу. Дядя Коля был единственным человеком в отцовском доме, кто относился ко мне как к человеку, а не как к бракованной детали семейного механизма.

Отец ушел, даже не оглянувшись. Дубовая дверь закрылась за ним с глухим, окончательным стуком.

И я осталась одна.

В доме человека, которого мой отец называл «безродным выскочкой» и «опаснейшим ублюдком в городе».

В доме мужчины, который смотрел на меня так, словно я была интересной, но пока непонятной проблемой.

Федор все еще стоял в центре холла, засунув руки в карманы. Смотрел на меня. Молчал.

Я решила, что хуже уже не будет, и улыбнулась самой наглой улыбкой, на какую была способна:

— Ну что, показать вам, как блестят мои горшки, или сна-

чала покажете мою камеру?

Он моргнул. И — клянусь чем угодно — уголок его губ снова дернулся.

— У тебя всегда такой острый язык, или только когда страшно?

Я открыла рот, чтобы ответить что-нибудь едкое, но вдруг поняла, что он прав. Мне было страшно. До дрожи в коленях, до холодного пота между лопатками. И вся моя бравада была лишь щитом — тонким, прозрачным, который он прочитал за секунду.

— Только когда страшно, — призналась я тихо.

Он кивнул — коротко, почти незаметно. И развернулся к лестнице.

— Идем. Покажу твою комнату.

Я пошла за ним, стараясь не смотреть на его широкую спину и на то, как играют мышцы под тонкой тканью черной рубашки. Старалась не думать о том, что этот человек мог убить моего отца сотней разных способов, но выбрал сделку. Старалась не гадать — почему.

Вместо этого я считала ступеньки.

Их было двадцать две.

По одной на каждый год моей жизни, которую я только что оставила за порогом этого дома.

Начинается новая жизнь, подумала я, переступая порог комнаты, которая станет моей тюрьмой на ближайшие триста шестьдесят пять дней.

И — вот ведь ирония — впервые за долгое время мне было интересно, что будет дальше.

Глава 2. Территория хищника

Комната оказалась неожиданно человеческой.

Я ожидала бетонную коробку с матрасом на полу и ведром в углу — знаете, стандартный набор для заложницы из криминальных хроник. Вместо этого передо мной распахнулась дверь в помещение размером с половину отцовской гостиной, с огромным окном во всю стену, за которым дождь все еще хлестал по стеклу, и кроватью, на которой можно было устраивать оргии. Или лепить горшки. Или устраивать оргии с горшками — тут уж кому что нравится.

— Ванная там, — Федор кивнул на дверь в углу. — Гардеробная слева. Вещи принесут через десять минут.

Он стоял в дверях, загораживая собой весь проем — живая баррикада из мышц и плохо скрытой угрозы. Я заметила, что он не переступает порог. Как вампир, которому нужно приглашение. Или как человек, который сознательно держит дистанцию.

— Ожидаемо роскошно, — я прошлась по комнате, проводя пальцами по спинке кресла. Настоящая кожа. Холодная, гладкая. — Только одного не хватает.

— Чего?

— Решеток на окнах. Или вы предпочитаете, чтобы я сама догадалась, что второй этаж — это тоже ловушка, потому что внизу колючая проволока и собаки?

Он прислонился плечом к дверному косяку. Движение вышло ленивым, почти расслабленным, но я заметила, как напряглись мышцы его предплечья, когда он скрестил руки на груди.

— Собак нет.

— А проволока?

— Есть.

— А крокодилы во рву?

— В следующем квартале завезут.

Я фыркнула. Вот так просто — взяла и фыркнула в лицо человеку, который мог сломать мне шею двумя пальцами. И знаете что? Ему, кажется, понравилось.

Его глаза — эти невозможные, стальные глаза — на мгновение потеплели. Или мне показалось. В этом доме вообще сложно было отделять реальность от игры света и моей собственной паранойи.

— Ужин в восемь, — сказал он, отталкиваясь от косяка.

— В столовой. Первый этаж, направо по коридору. Если заблудишься — спроси у охраны.

— А если я не хочу ужинать?

— Захочешь.

— Откуда такая уверенность?

Он уже развернулся, чтобы уйти, но на последнем вопросе замер. Медленно, очень медленно повернул голову — ровно настолько, чтобы я видела его профиль: тяжелую линию челюсти, горбинку на носу, тень от ресниц на скуле.

— Потому что я так сказал. Ксю.

И ушел.

Просто взял и ушел, оставив меня стоять посреди комнаты с открытым ртом и странным ощущением, что меня только что раздели догола одним взглядом. Причем раздели, осмотрели и признали... интересной? Да нет, бред. Просто осмотрели и приняли к сведению.

Я села на край кровати и впервые за несколько часов выдохнула. По-настоящему, всем телом, до дрожи в коленях.

Первый раунд окончен. Я выжила.

Правда, впереди еще триста шестьдесят четыре дня. Но кто считает?

Мои вещи действительно принесли через десять минут. Два охранника — молчаливые, как роботы, и с лицами, на которых было написано «я тут работаю за деньги, а не за разговоры» — втащили три чемодана и коробку.

— Это что? — спросила я, указывая на коробку.

Охранник номер один пожал плечами:

— Не знаю. Велели принести.

Коробка оказалась тяжелой. Я вскрыла ее прямо на ковре, чувствуя себя ребенком в рождественское утро — только Дедом Морозом был криминальный авторитет с глазами акулы, а вместо подарков внутри оказалась...

— Глина, — прошептала я, вынимая первый брикет. — Серая глина. Кембрийская. Откуда он...

Второй брикет. Третий. Четвертый. Глазурь — три банки,

именно тех оттенков, которые я любила: медный купорос для зеленого, кобальт для синего, железо для теплой ржавчины.

Я сидела на ковре, окруженная глиняными брикетами, и пыталась понять, что чувствую. Благодарность? Нет, это было бы глупо. Он купил меня, как покупают дорогую вазу — а вазе нужно создать подходящие условия, чтобы она не треснула. Но где-то глубоко, под слоями страха и злости, шевельнулось что-то теплое. Что-то, похожее на любопытство.

И это пугало больше всего.

Ужин в восемь. Я спустилась ровно в семь пятьдесят девять, потому что, во-первых, пунктуальность — вежливость заложниц, а во-вторых, я, конечно, хотела посмотреть, что будет, если опоздать. Но предпочла явиться вовремя и не испытывать судьбу.

Столовая оказалась такой же бездушной, как и холл: длинный стол человек на двадцать, тяжелые стулья с высокими спинками, гигантская хрустальная люстра. И за всем этим великолепием в самом дальнем конце стола сидел он.

Один.

Перед ним стояла тарелка с чем-то мясным, стакан воды и... и все. Ни салфеток с вензелями, ни серебряных приборов, достойных музея. Простая, почти спартанская сервировка. Как будто он не ужинал в собственной столовой, а перекусывал в походных условиях.

— Ты пунктуальна, — заметил он, не поднимая головы. Его нож двигался с механической точностью, разрезая мясо

на идеально ровные куски.

— Ты удивлен?

— Нет.

Я подошла ближе, чувствуя, как гулко стучат каблуки по мраморному полу. Села на стул напротив него — не рядом, но и не в другом конце стола. На безопасном расстоянии, которое позволяло видеть его лицо и не чувствовать себя совсем уж мышью перед удавом.

— Глина, — сказала я. — Откуда?

Он, наконец, поднял глаза. И в этот момент я впервые заметила, что у него есть ресницы. Густые, темные, совершенно неожиданные на этом грубом, рубленом лице. Как будто природа решила добавить капельку красоты в хищную маску.

— Узнал.

— Узнал? И все?

— Этого недостаточно?

Я закусила губу. Передо мной поставили тарелку — что-то рыбное, с овощами, пахнущее травами и лимоном. Я даже не заметила, откуда взялся официант — или кто там прислуживал в этом доме.

— Ты хочешь, чтобы я сказала «спасибо»? — спросила я, беря вилку. — Спасибо. За глину. За глазурь. За то, что не убил моего отца и не запер меня в подвале.

— Не за что.

Он снова уткнулся в тарелку, давая понять, что разго-

вор окончен. Я жевала рыбу — божественно вкусную, между прочим — и украдкой разглядывала его руки. Тяжелая печать на левом мизинце, которую он время от времени крутил большим пальцем. Широкие запястья. Пальцы — длинные, с аккуратными, но не маникюрными ногтями. Руки человека, который привык работать. Или убивать. Или и то, и другое.

— Почему ты согласился на сделку с моим отцом? — выпалила я прежде, чем успела прикусить язык.

Его нож замер на полпути к мясу.

— Потому что война стоит дороже, чем мир.

— И все? Деловая арифметика?

— А ты ждала романтической баллады?

Я усмехнулась:

— Ну, знаешь, мог бы сказать что-то вроде «я увидел тебя на фотографии и понял, что должен обладать тобой любой ценой». Было бы драматичнее.

Он положил нож. Медленно, очень медленно. Поднял голову и посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, от которого у меня пересохло во рту.

— Ты хочешь драмы, Ксю?

— Я хочу правды.

— Правда в том, что твой отец предложил тебя сам. Я согласился, потому что это решало проблему войны. То, что ты оказалась не такой, как я ожидал — это уже другая история.

Сердце пропустило удар.

— Не такой? Какой — «не такой»?

Он не ответил. Просто смотрел на меня — и в этом взгляде было что-то, отчего мои щеки начали теплеть. Что-то тяжелое, собственническое, странное, я таких взглядов раньше не видела. Как будто он пытался разгадать загадку, которую я сама о себе не знала.

— Ты много говоришь, — сказал он, наконец. — А ешь мало. Доедай.

Я посмотрела в тарелку. Рыба действительно осталась почти нетронутой.

— Я не голодна.

— Я не спрашивал.

Вот так просто. Не спрашивал. И от этого простого, спокойного утверждения у меня по спине побежали мурашки — не от страха, нет. От осознания, что этот человек действительно не признает отказа. Что если он решит, что я должна есть, я буду есть. Если решит, что я должна остаться в этой комнате, я останусь.

И где-то глубоко, в самой темной, самой потаенной части меня, эта мысль отозвалась не возмущением. А чем-то совсем другим. Чем-то, о чем я тут же запретила себе думать.

Я доела рыбу. Потому что она действительно была вкусной, а я не ела с самого утра. По крайней мере, я убеждала себя в этом, пока под его взглядом отправляла в рот кусок за куском.

После ужина он поднялся первым. Я ожидала, что он уй-

дет, не прощаясь, но он задержался у моего стула. Стоял так близко, что я чувствовала тепло его тела и едва уловимый запах — не одеколона, а чего-то чистого, мужского. Мыло? Или просто он сам так пах?

— Завтра в девять утра, — сказал он, глядя на меня сверху вниз. — Покажу тебе дом.

— А если я найду выход и сбегу до девяти утра?

— Не найдешь.

— Самонадеянно.

— Реалистично.

Он наклонился. Медленно, очень медленно — так, что я могла отстраниться, могла отодвинуться, могла закричать. Но я замерла, как кролик перед удавом, и только смотрела, как его лицо приближается к моему.

Его губы остановились в миллиметре от моего уха. Я чувствовала его дыхание — горячее, ровное, совершенно спокойное, в то время как мое собственное сбилось и стало поверхностным, как у загнанного зверька.

— И Ксю, — прошептал он, и от звука моего имени, произнесенного этим низким, хрипловатым голосом, по шее побежали мурашки. — Не пытайся меня обмануть. Я всегда знаю, когда мне лгут.

Он выпрямился и вышел из столовой, оставив меня сидеть с пылающими щеками и бешено колотящимся сердцем.

Ночью я не спала.

Лежала в огромной кровати, смотрела в потолок и про-

кручивала в голове каждое его слово, каждый жест. Печатка на пальце. То, как он крутил ее, когда говорил о моем отце. То, как его глаза потеплели, когда я сказала про кошек.

И то, как он прошептал мое имя у самого уха.

Я перевернулась на бок, сжала бедра и запретила себе думать об этом. Запретила вспоминать тепло его дыхания на своей коже. Запретила представлять, как эти длинные пальцы сжимают не нож, а что-то другое. Что-то гораздо более...

— Так, стоп, — сказала я вслух в пустоту комнаты. — Ты в доме врага. Он купил тебя, как вещь. У тебя стокгольмский синдром на ранней стадии. Возьми себя в руки, Ладыгина.

Пустота ничего не ответила. Только дождь за окном продолжал барабанить по стеклу — монотонно, убаюкивающе, словно пытался смыть все глупые мысли из моей головы.

Не смысл.

Утро началось с кошек.

Я спустилась к завтраку в семь — специально пораньше, чтобы избежать встречи с хозяином дома, — и обнаружила на заднем дворе, прямо под окнами кухни, две миски. Одна с водой, другая с кормом. А рядом — рыжий жирный кот, который смотрел на меня с выражением глубочайшего презрения, словно говоря: ну и где ты шлеялась?

— Ты кто? — спросила я, приседая на корточки. — Ты здесь живешь? Или ты тоже заложник?

Кот моргнул. Потом подошел, потерся о мою ногу и начал

мурлыкать, как маленький трактор.

— Понятно, — вздохнула я, почесывая его за ухом. —
Еще один, кто не спрашивает моего мнения.

— Его зовут Барон.

Я подскочила на месте. Федор стоял в дверях кухни — в простой белой футболке и темных брюках, с чашкой кофе в руке. Без пиджака, без обычной брони из дорогой ткани и холодного взгляда, он выглядел... по-другому. Более живым. Более опасным в своей обыденности.

— Барон? — переспросила я, пытаюсь унять сердцебиение. — Кот-аристократ?

— Он считает себя хозяином территории. Пришлось признать его статус.

— Ты... признал статус кота?

— Я признаю силу, Ксю. У Барона ее достаточно.

Я рассмеялась. Честное слово, рассмеялась впервые за двое суток, и смех вышел каким-то нервным, срывающимся, но искренним. Кот, который заставил криминального авторитета признать свое превосходство. Это было так нелепо, так... человечно, что все мои защитные стены на мгновение рухнули.

Федор смотрел на меня. И в его взгляде снова появилось что-то, чему я не могла найти название. Что-то теплое, почти... голодное? Но не животное. Другое. Как будто он впервые увидел не заложницу, не дочь врага, не пункт в контракте — а просто меня. Смеющуюся, растрепанную после сна,

в мятой пижаме.

— Ты редко смеешься, — сказал он тихо.

— А ты улыбаешься, — парировала я, хотя он, конечно, не улыбался. Но где-то в глубине его стальных глаз мелькнуло что-то, очень похожее на улыбку. — Тоже редко, да?

— Я не улыбаюсь.

— А я не смеюсь.

Мы стояли друг напротив друга — разделенные порогом кухни, утренним солнцем, которое, наконец, пробилось сквозь тучи, и целой пропастью из прошлого, секретов и взаимного недоверия. Но в этот момент, пока рыжий кот терся о мои ноги, а Федор смотрел на меня поверх чашки кофе, что-то неуловимо изменилось.

Трещина. Маленькая, почти незаметная трещина в стене, которую мы оба так старательно возводили.

— Завтрак, — сказал он, отворачиваясь первым. — Через десять минут. Потом экскурсия.

— А если я хочу позавтракать с Бароном?

Он улыбнулся только губами и ушел. Впрочем, Барон тоже развернулся и ушел во двор.

Экскурсия по дому заняла два часа. Федор вел меня по коридорам, комнатам и лестницам, и с каждым шагом я все больше понимала: этот дом — не просто крепость. Это отражение его хозяина. Холодный снаружи, закрытый для посторонних, но внутри — с проблесками чего-то почти уютного.

Библиотека с настоящим камином и потертыми креслами. Тренажерный зал, где пахло железом и озоном с улицы. И самое неожиданное — оранжерея на третьем этаже, залитая солнцем, полная зелени и цветов.

— Здесь я провожу время, когда нужно подумать, — сказал он, останавливаясь у папоротника размером с хороший куст. — Растения не задают вопросов.

— А я задаю?

— Ты задаешь правильные вопросы. Это хуже.

Я хмыкнула, проводя пальцем по листу монстеры.

— Знаешь, если бы мне сказали неделю назад, что я буду гулять по оранжерее криминального авторитета и обсуждать с ним вопросы и папоротники, я бы рассмеялась.

— А сейчас?

— А сейчас мне просто страшно. Потому что все это... — я обвела рукой зелень, солнечный свет, кота, который увязался за нами и теперь спал на подоконнике, — слишком похоже на нормальную жизнь. А нормальная жизнь с тобой невозможна.

Он повернулся ко мне. Солнце падало на его лицо, высвечивая детали, которые я не замечала раньше: мелкие морщинки в уголках глаз, тонкий шрам на подбородке, почти незаметный, но все же присутствующий. Следы времени и насилия на лице, которое могло бы быть красивым, если бы не постоянная маска холода.

— Нормальная жизнь со мной возможна, — сказал он

медленно, словно взвешивая каждое слово. — Но она будет другой. Не такой, к какой ты привыкла.

— Я ни к чему не привыкла, — вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать. Опять. — В отцовском доме я была призраком. Меня терпели, но не замечали. Так что не надо думать, что ты оторвал меня от какой-то сказочной жизни.

Он молчал. Долго. Так долго, что я уже решила — разговор окончен, и сейчас он снова закроется в своей раковине. Но потом он сделал шаг ко мне. Один. Всего один, но этого хватило, чтобы воздух между нами стал плотным.

— Твой отец, — сказал он тихо, почти шепотом. — Дурак.

— Это я знаю.

— Он не видел, что у него есть.

— А ты видишь?

Еще один шаг. Теперь нас разделяло меньше метра. Я чувствовала жар его тела, видела, как поднимается и опускается его грудь в такт дыханию, и понимала, что должна отступить. Должна отойти, разорвать этот контакт, напомнить себе, кто он, и кто я.

Но я не двигалась.

— Я вижу, Ксю, — его голос стал еще ниже, с хрипотцой, которая отозвалась вибрацией где-то в моем солнечном сплетении. — Я вижу девушку, которая прячется за острым языком. Которая боится, но не показывает. Которая лепит из глины, потому что только так может контролировать хоть что-то в своей жизни.

Он поднял руку. Медленно, давая мне возможность отстраниться. Его пальцы коснулись пряди волос у виска и заправили ее за ухо. Прикосновение было легким, почти невесомым, но от него по всему телу разлилось тепло — предательское непрошеное, пугающее своей силой.

— Я вижу женщину, которая заслуживает большего, чем быть разменной монетой в чужих играх, — закончил он, и его ладонь задержалась на моей щеке. На секунду. На две. На целую вечность, за которую мое сердце успело пропустить несколько ударов.

А потом он убрал руку. Отступил. И снова стал тем Федором Смолиным, которого боялся весь город — холодным, неприступным, опасным.

— Экскурсия окончена, — сказал он ровным, ничего не выражающим голосом. — Можешь возвращаться в свою комнату. Или остаться здесь, если хочешь.

И ушел.

А я осталась стоять посреди оранжереи, окруженная папоротниками и монстерами, с бешено колотящимся сердцем и одним-единственным желанием догнать его. Догнать и... что? Ударить? Поцеловать? И то, и другое?

— Барон, — прошептала я коту, который лениво приоткрыл один глаз. — Кажется, у меня проблемы.

Кот зевнул и снова уснул. Его мнение было очевидно: сама разбирайся, женщина.

Остаток дня я провела в своей комнате. Достала серую

глину, пахнущую землей и чем-то древним, и начала мять ее в руках, разогревая, подготавливая к работе. Это был мой ритуал. Мой способ вернуть контроль, когда мир вокруг рушился.

Глина поддавалась. В отличие от людей, она не лгала, не предавала, не смотрела на меня стальными глазами, от которых подкашивались колени. Она просто была — послушная, теплая, живая в своей податливости.

Я лепила чашку. Простую, без изысков, с толстыми стенками и удобной ручкой. Чашку, из которой хорошо пить кофе холодными утрами, обхватив ладонями и чувствуя, как тепло проникает под кожу.

Чашку для него.

Я поняла это, только когда изделие начало обретать форму. И замерла с комком глины в руках, глядя на то, что получалось.

— Черт, — выдохнула я. — Черт, черт, черт.

Потому что это была не просто чашка. Это было признание. Признание в том, что я думаю о нем. Что я хочу сделать ему приятно. Что я — идиотка, которая влюбляется в своего тюремщика через двое суток после прибытия в тюрьму.

Я с силой смяла глину в бесформенный комок и швырнула его обратно в коробку. Потом встала, подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу.

Внизу, на заднем дворе, Федор разговаривал с охранником. Без пиджака, в той же белой футболке, которая так пре-

дательски обтягивала его плечи. Он что-то объяснял, жестикулируя — скупое, экономное, как и все, что он делал. А потом вдруг поднял голову и посмотрел прямо на мое окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.